

Шэнь Цинчи посмотрел на коробочку с мазью и подумал, что Шэнь Фан, скорее всего, попросту «сбежал».

Неужели всё настолько серьезно? Всего-то случайно задел его руку.

Шэнь Цинчи слегка склонил голову. Уголки его губ приподнялись в лукавой усмешке — он напоминал кота, которого не смогли приручить люди, зато он сам успешно приручил их, пользуясь хозяйской любовью и позволяя себе любые вольности.

Поразмыслив, он подхватил забытую мазь и отправился следом на второй этаж.

Хотя в этой вилле он был уже второй раз, на втором этаже ему бывать не доводилось. Разумеется, он понятия не имел, в какой комнате поселился Шэнь Фан, но среди множества дверей лишь одна была закрыта — нетрудно догадаться, что именно там кто-то есть.

Он постучал и тихо произнес:

— Дядя.

Внутри поначалу никто не отозвался. Лишь спустя довольно долгое время послышался звук поворачивающейся ручки, и дверь приоткрылась на узкую щель. Шэнь Фан спросил:

— Что случилось?

Шэнь Цинчи просунул мазь в щель:

— Кажется, ты хотел взять это...

Шэнь Фан помедлил, а затем принял лекарство:

— Спасибо.

Шэнь Цинчи попытался украдкой заглянуть внутрь, но щель была слишком узкой, к тому же Шэнь Фан полностью перегородил проход, так что разглядеть обстановку комнаты не удалось.

Разочарованно отведя взгляд, он спросил:

— Мне помочь тебе...

Шэнь Фан перебил его:

— Не нужно, иди спать.

С этими словами он захлопнул дверь.

Оставшись в коридоре, Шэнь Цинчи невинно моргнул.

Дядя так поспешно попытался от него отделаться — это действительно подозрительно.

Он постоял у двери еще немного, а затем бесшумно удалился.

Внутри комнаты Шэнь Фан бросил коробочку на стол и устало выдохнул.

Что же такое с этим Шэнь Цинчи? Разве можно быть настолько наивным? Прийти к нему в комнату, чтобы отдать мазь... Неужели у него нет ни капли инстинкта самосохранения, чтобы не лезть в пасть к тигру?

Шэнь Фан сам не понимал, что чувствует. Неизвестно почему, перед глазами то и дело вставали раненные руки юноши. Стоило закрыть глаза, как его образ возникал с пугающей четкостью: от тонких черт красивого лица до чистых невинных глаз, от прямой спины до тонкой талии... Даже вчерашняя картина — белая, гладкая кожа голени и округлые милые пальцы ног — стояла перед глазами так ярко, будто стоило протянуть руку, чтобы коснуться.

Слишком мило...

Невозможно было не провести параллель с тем белым котенком, которого он когда-то спас.

Мягкий, теплый, пушистый комочек, который вечно наклонял голову, глядя на него невинным, чистым взглядом.

Даже если мгновение назад зверек натворил дел, он выглядел настолько непорочно, что злиться было просто невозможно.

А потом он еще и терся о него всем телом, жалобно мяукая, пытаясь задобрить.

Шэнь Фан, бесчисленное количество раз прощавший маленького кота, часто думал, что, возможно, это он сам — питомец, а не кот. Это его приручили, а не наоборот.

Шэнь Фан невольно прикрыл рот рукой, кадык его нервно дернулся. Опираясь второй рукой о стол, он простоял так довольно долго, пока наконец не сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

Жаль, но удержать того кота у себя он так и не смог. Принял тяжелое решение и отдал его в другой дом. В тот момент кот цеплялся когтями за его одежду и мяукал, словно не желая расставаться. Опасаясь, что зверек не приживется на новом месте, Шэнь Фан попросил новых хозяев присылать видео. Оказалось, уже через два дня кот «захватил власть» в новом доме, жил припеваючи и совершенно забыл о своем старом хозяине.

Верно, коварная кошечка везде устроится неплохо.

Впрочем, хотя тот кот был самым озорным и умел лучше всех притворяться пайнкой, спустя

столько времени Шэнь Фан помнил именно его.

Приходилось признать: похоже, его «приручили» очень успешно.

Шэнь Фан вздохнул. Мазью он так и не воспользовался, просто сел у стола, размышляя о белом коте и Шэнь Цинчи.

М-да... Почему ему кажется, что они так похожи? Только ли из-за того, что Шэнь Цинчи милый?

Ведь другие коты тоже были милыми, так почему он вспомнил именно того...

Неужели Шэнь Цинчи тоже притворяется пай-мальчиком?

Как только эта мысль возникла в голове, он тут же отбросил ее. Хотя за эти годы он общался с племянником нечасто, но, судя по тому, что он знал, мальчик был по-настоящему чист душой. В учебе он не был глуп, даже наоборот — очень талантлив, иначе не поступил бы в Цинский университет.

Но в повседневной жизни он выглядел совершенно беспомощным. Шэнь Цинчи не умел выстраивать отношения с людьми. В школе, благодаря отличным оценкам, учителя любили его, но стоило вернуться домой, к Шэнь Цзину и его жене, как он становился словно марионеткой в их руках.

Наивность, чистота, доброта — качества, которые должны быть лучшими в человеке, — оказались совершенно не к месту.

Его беда была в том, что он рос в клане Шэнь.

В клане Шэнь наивность означала глупость, а доброта — слабость. Той чете такой сын был не нужен. Вероятно, Чжоу Ванъянь, который с первого же дня проявил наглый интерес к внешности Шэнь Цинчи, куда больше подходил на роль их наследника.

Если бы не кража уведомления о зачислении, из-за которой заветный Цинский университет мог ускользнуть из рук, Шэнь Цинчи, возможно, никогда не набрался бы храбрости для сопротивления.

Но даже кролик начинает кусаться, когда его припирают к стенке — мальчику просто некуда было отступать.

Шэнь Фан снова вспомнил, как Шэнь Цинчи просил о помощи в дождливую ночь, стоя на пороге его дома промокшим до нитки. В сердце поднялась жалость, которую он не мог унять. Нахмурившись, он открыл окно, чтобы проветрить комнату.

Неважно, жалел он его или считал милым — ни то, ни другое не сулило ничего хорошего.

Возможно, ему стоило поскорее избавиться от этого источника беспокойства, чтобы не нажить

проблем.

Но... сможет ли Шэнь Цинчи с его характером выжить под присмотром той парочки, если за ним никто не присмотрит?

Ему предстояло учиться в университете еще четыре года, а значит, он не мог покинуть городской округ Цинчжоу и скрыться от слежки Шэнь Цзина...

Шэнь Фан помрачнел.

Кажется, он по неосторожности ввязался в большую неприятность.

Когда подбирал, не подумал о последствиях, а теперь — как его «выбросить»?

*

Шэнь Цинчи в отличном настроении бродил по дому, совершенно не подозревая о внутренней борьбе Шэнь Фана. Он убрал те грецкие орехи в шкатулку и поставил ее на самом видном месте на журнальном столике, а затем, напевая, вернулся в свою комнату.

Войдя, он увидел, что нижнее белье, которое он вчера намеренно оставил сушиться на балконе, все еще висело там, а вот подушка и одеяло исчезли — очевидно, Шэнь Фан приходил убираться.

Значит, он точно видел эти трусы.

Видел, но побоялся коснуться. Смущенно пытался намекнуть, но не осмелился произнести это слово вслух.

Какой же невинный девственник.

Шэнь Цинчи снял высохшее белье, убрал в ящик, принял быстрый душ и повесил сушиться новое.

Чтобы не смущать дядю, в этот раз он повесил не только белье, но и остальную одежду.

Про себя Шэнь Цинчи похвалил себя за доброту, достал из шкафа одеяло и лег спать.

*

На следующее утро, проснувшись, Шэнь Цинчи снова почувствовал аромат завтрака.

Казалось, он никогда раньше не испытывал такой домашней атмосферы. В детском доме его окружали только учителя и волонтеры, но никогда не было родителей.

Каждый год детей усыновляли, и Шэнь Цинчи почти всегда был тем, на кого падал выбор. Он

был красив, умен и сообразителен, из-за чего сильно выделялся на фоне детей с умственными или физическими отклонениями.

Однако сам он не хотел, чтобы его усыновляли.

С того самого дня, как он узнал, что его бросили, в его сердце не осталось ожиданий, связанных со словами мама и папа.

Впрочем, других родственников он принять был готов: например, директорша, которая всегда заботилась о нем; волонтерша, приносившая сладости; и, наконец... дядя Шэнь Фан?

Шэнь Цинчи посмаковал эти слова. Шэнь Фан, готовивший завтрак, обернулся и взглянул на него:

— Проснулся?

Шэнь Цинчи послушно кивнул.

— Как раз вовремя, я только закончил, пришел на запах? — Шэнь Фан выключил плиту и подшутил над ним.

Шэнь Цинчи заметил, что тот держит тарелку правой рукой, да и по тону было понятно, что настроение у него неплохое — значит, рука уже не болит. Он кивнул в ответ:

— Ага.

«Ага»?

Шэнь Фан с удивлением посмотрел на него. Шэнь Цинчи, опустив голову, с нетерпением разглядывал завтрак на тарелке, а мягкие кончики волос при движении открывали полоску белой шеи.

Шэнь Фан сглотнул.

Неужели нельзя... быть не таким милым?

Он был точь-в-точь как тот белый котенок: стоило открыть банку с едой, как он, спал ли он или играл, тут же поворачивал голову и смотрел на него, привлеченный ароматом.

Шэнь Фан кашлянул:

— Садись есть.

Шэнь Цинчи взял палочки, повернул голову и увидел на столе две бутылки молока. На стекле виднелись капли воды, оно было холодным.

Он удивился:

— Почему сегодня молока на одну бутылку больше?

— Разве ты его не любишь? — сказал Шэнь Фан. — Вот я и заказал лишнюю.

Шэнь Цинчи не ожидал, что Шэнь Фан закажет молоко и для него, и обрадовался:

— Спасибо, дядя!

Затем он кое-что вспомнил и спросил:

— А если они узнают, что ты заказал молоко для меня?

Шэнь Фан недовольно нахмурился:

— А что такого? Какое им дело до того, сколько бутылок я заказываю? Разве я не могу выпить две сам?

Шэнь Цинчи улыбнулся.

Похоже, дядя не только невинный, но и заботливый. Такой хороший дядя — как автор оригинальной книги посмел написать, что он должен умереть?

Раз уж он оказался внутри книги, он первым нанесет удар. Разберется с этим отбросом Чжоу Ванъянем, и посмотрим, как тот сможет убить Шэнь Фана.

Шэнь Фан сказал, что будет ждать, когда Шэнь Цзин сам отдаст уведомление о зачислении. Что ж, он может использовать это как повод. Если слух о том, что Чжоу Ванъянь занял чужое место в университете, распространится, им всем придется несладко.

Пока он об этом думал, будто прочитав его мысли, Шэнь Фан заговорил:

— В эту пятницу я отвезу тебя к ректору Цинского университета.

Сегодня понедельник, значит, через три дня.

Шэнь Цинчи кивнул:

— Хорошо.

После завтрака Шэнь Фан не позволил Шэнь Цинчи мыть посуду, сказав, что нельзя мочить рану на руке. Шэнь Цинчи только сейчас вспомнил о своей царапине, и излишняя нервозность дяди вызвала у него смешанные чувства.

Нельзя мыть посуду, нельзя крутить в руках орехи — Шэнь Цинчи моментально заскучал. Он сидел на подлокотнике дивана, болтая ногами, и тут услышал, как Шэнь Фан ответил на

телефонный звонок. Повесив трубку, тот сказал:

— Если скучно, сходи забери мою доставку, она у двери.

Шэнь Цинчи послушно вышел за посылкой, «выполняя поручение» Шэнь Фана.

Когда он вернулся, тот сказал:

— Открывай.

Шэнь Цинчи засомневался:

— Открывать твою посылку... это как-то неловко.

— Это вообще-то для тебя купили.

Шэнь Цинчи замер, его любопытство вмиг разгорелось. Он быстро распаковал коробку и обнаружил, что внутри лежат...

Тапочки?

Он моргнул и посмотрел на свои ноги — последние два дня он носил домашние тапочки Шэнь Фана, они были огромными и постоянно спадали.

Он вытащил тапочки из коробки, и Шэнь Фан добавил:

— Скорее меняй свои, а то цокают при ходьбе, слишком шумные.

Шэнь Цинчи промолчал и не стал его разоблачать.

Купил так купил, еще и оправдания придумывает.

Он переобулся — размер подошел идеально, и ногам было очень удобно.

Затем он с самым невинным видом спросил:

— Но дядя, почему здесь еще и пара теплых тапочек? Я ведь поживу у тебя только до начала семестра и уеду, зима еще не скоро.

— ... — Шэнь Фан внезапно замолчал.

Спустя долгое время он странным тоном произнес:

— Акция: покупаешь одни, вторые в подарок. Если не нравятся — выброси.

Шэнь Цинчи изо всех сил сдерживал смех.

Что за щедрый продавец? Покупаешь летние тапочки — в подарок теплые? Где это видано?

К тому же, обе пары тапочек выдавали пристрастия хозяина: на обеих красовались кошачьи ушки, смотрелось это очень мило.

Ха, мужчины.

<http://bllate.org/book/21917/2277175>